18+

Владимир Выборный

Паром из Сен-Мало

Бутылка кальвадоса

Владимир Выборный

Паром из Сен-Мало. Бутылка кальвадоса

«Издательские решения»

Выборный В.

Паром из Сен-Мало. Бутылка кальвадоса / В. Выборный — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Случайный визит во Францию за бутылкой кальвадоса оборачивается для московского адвоката Михаила Минаева опасным шпионским квестом в Ла-Манше. Обычный курортный роман с красавицей из пограничной службы острова Джерси на самом деле оказывается операцией по спасению секретов НАТО и жизни зажатого в угол агента. Используя алиби простодушного «русо-туристо», главному герою предстоит перехитрить контрразведку МИ-5, пронести дискету через тотальный досмотр в Хитроу и доставить груз в Москву.

© Выборный В.
© Издательские решения

Содержание

Песчаный след Ливии 6
Начало 11
Бутылка Шабли и пограничный контроль 12
Кальвадос. Первая встреча с Сарой 14
Кальвадос 18
Шпион поневоле 21
Первые шаги новоиспеченного шпиона 26
Жемчужный транзит 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Паром из Сен-Мало
Бутылка кальвадоса

Владимир Выборный

© Владимир Выборный, 2026

ISBN 978-5-0071-5015-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПАРОМ ИЗ СЕН-МАЛО
(Бутылка кальвадоса)

Я искренне благодарен Саре — офицеру королевской пограничной службы острова Джерси, которая сподвигла меня сесть за стол и написать эту историю! Наша встреча на пограничном пункте острова, наши отношения, стали основой для книги. Пусть многое — выдумка автора, но искра, вспыхнувшая в далеком 2014 году между женщиной, офицером британских спецслужб и мужчиной, обыкновенным московским юристом, не погасла и сегодня.

Песчаный след Ливии

Признаюсь, я вовсе не собирался ввязываться в шпионскую историю. На остров ехал с самыми мирными намерениями: пить эль по пабам, гулять по улицам, дышать морским воздухом с Ла-Манша и созерцать окрестности. Ничего этого у меня не вышло, и виновата во всём бутылка кальвадоса, которую я купил в Сен-Мало. Поленился бы я тогда и не поехал на пароме второй раз за бутылкой, не было бы ни погони за дискетой, ни зоопарка Даррелла, ни агентов в одинаковых синих ветровках, которые до самого конца так и не поняли, кто я такой. Так что начну сначала. С парома, который как раз отходит от причала, на котором, спустя двадцать лет я возвращаюсь на остров Джерси.

Это я, Михаил Минаев, теперь пожилой, но еще вполне энергичный мужчина, под шестьдесят лет, с сединой в волосах, там, где они еще остались, конкретнее на висках и затылке, в очках с хорошей оправой Gucci на носу, стою на палубе парома Condor Liberation, уходящего из английского порта Пул на нормандский остров. Быстроходный катамаран подрагивал своими тремя тысячами лошадиных сил, набирая обороты и скорость. Чем быстрее катамаран ускорялся, тем сильнее становился морской ветер, который бесцеремонно трепал полы моего плаща. Я смотрю на кипящую белую пену за кормой и наблюдаю за парой на водных мотоциклах, прыгающих на бурунах, оставляемых катамараном. Пул остался позади со своими пабами, магазинчиками, криками чаек и яхтами. Настоящий английский портовый городишко, в меру сонный и в меру активный, где жизнь течет по строгому расписанию приливов. Теперь мы несемся в открытый пролив. Скорость катамарана вдавливала волны, превращая соленые брызги в хлесткую пыль, которая оседала на стеклах моих очков. В плаще тепло, но ветер Ла-Манша умеет пробирать до костей. И сам пролив, эта свинцовая, тяжелая вода, помнившая десантные баржи времен Второй мировой войны, никогда не выглядел дружелюбным. Он всегда оставался необычайно холодным.

В далеком прошлом я выпускник Восточного факультета Военного Краснознаменного Института Министерства обороны СССР. Прошло много лет с того времени, когда я сменил курсантские погоны на погоны офицера, лейтенанта, получил диплом об окончании своего вуза и предписание явиться к месту службы в свою войсковую часть. Вот только эта часть находилась в Африке, а точнее, в Ливии, где советские офицеры оказывали посильную помощь полковнику Муаммару Каддафи в укреплении обороноспособности его Джамахирии. Ну а мы, переводяги, осуществляли коммуникацию между нашими офицерами и офицерами ливийской армии, а еще обеспечивали связь между сторонами на официальных и не очень официальных встречах и простых пьянках, ну и сопровождали жен наших старших офицеров и генералов в их походах по ливийским магазинам.

ВКИМО был отличной школой. Нас учили не просто языку, нас учили понимать образ мыслей врага или союзника, улавливать малейшие интонации. Фонетисты гоняли нас до седьмого пота, заставляя выговаривать гортанные арабские звуки вроде «айн» или «ха», пока горло не начинало першить и требовать воды. Нам вбивали в головы, что ошибка в одном звуке может превратить военную команду в оскорбление. Но реальность под Триполи оказалась далека от академических аудиторий Лефортово. Ливийские офицеры плевать хотели на классический литературный арабский — «фусху», на котором мы так изящно умели цитировать ноты ТАСС.

Нельзя сказать, что служба тяготила меня. Напротив, она даже мне нравилась. Практиковал каждый день язык, правда арабский, а английский практически не использовал. Некоторые офицеры ливийской армии пытались поговорить со мной на иностранном языке, не арабском, стремясь показать этим свою образованность, но чаще всего это был итальянский колониальный язык, реже коммерческий французский, но никак не английский. Я же из итальянского знал только «Бонджорно!» до обеда, да «буанасера!» после обеда. Во французском мои позна-

ния были на таком же уровне — бонжур, да аревуар. Так что ливийские офицеры вскоре прекратили демонстрировать мне свою образованность, осознав, что я неспособен оценить их знания, и перешли на родной бедуинский диалект. И вот тут начался настоящий ад перевода. Этот диалект был полон гортанных щелчков, обрезанных окончаний и специфических пустынных метафор, которые не описал ни один советский академик. Приходилось переучиваться на лету, улавливая смысл по жестам, по выражению темных глаз, по тому, как они хватались за рукоятки своих пистолетов.

Пару лет после выпуска я болтался на базе под Триполи, обеспечивая переводом занятия наших офицеров с военными летчиками по тактике воздушного боя, по обслуживанию советских истребителей, поставляемых Советским Союзом в Джамахирию. Служба не сложная, но пыльная, если учитывать пылевые бури, пригоняемые ветром «Гибли» из Сахары. Этот ветер приносил с собой не просто жару — он нес оранжевую, въедливую пыль, которая проникала сквозь любые щели, скрипела на зубах, забивала фильтры самолетов и превращала жизнь в сплошной ужас. Правда, пришлось попотеть, поскольку в институте мы не прорабатывали детально устройство самолета, да и терминология о виражах, бочках, мертвой петле тоже не была моим коньком. Чертежи истребителей стали моими главными спутниками. Так что первый год службы у меня прошел со словарем в руках, куда бы я ни ходил. В столовую, в спортзал и даже в сортир я ходил со словарем и зубрил технические термины, слова и словосочетания. Зато через год я, будучи разбуженным ночью после литра местной водки, мог сходу перевести любую фразу на арабском, вроде «картер отбора мощности двигателя» — *«кусеймат тиркаб аль-куввa ли-ль-мухаррик»*. Ливийцы уважительно цокали языками, когда этот русский лейтенант в выцветшей песчанке сыпал их техническим сленгом свободнее, чем их собственные выпускники академий.

Но через пару лет вся комфортная жизнь вмиг прекратилась. Изначально пришло сообщение о развале СССР. Это было странное, дикое ощущение. Великая империя, которая отправила нас на этот жаркий край земли, которой мы присягали на верность в парадных мундирах, просто исчезла, растворилась в выпусках новостей. После этого сообщения начались перебои с выплатой зарплаты. Если быть совсем откровенным, то зарплату прекратили выплачивать совсем. Государства, которому мы присягали, больше нет, а нам словно предложили крутиться самим, как можем. Офицеры — советники и мы, переводяги, днями болтались по территории базы под косыми взглядами ливийцев. Вчерашние союзники смотрели на нас теперь с легким презрением и жалостью, как на подданных рухнувшего королевства, у которых больше нет хозяина. Делать было нечего, от слова совсем. Занятия прекратились. У всех в голове поселилась лишь одна мысль, что пора сваливать домой. Только руководитель группы советников, наш генерал-майор, все твердил, что нужно потерпеть, что все прояснится. Он слал в Москву телеграмму за телеграммой, названивал по своей вертушке высоким звездам в министерстве, но пользы от его звонков не прибавлялось. А когда на очередной звонок нашего генерала из далекого, уже чужого кабинета на Знаменке послышалось равнодушное: «А вы кто? У нас нет такой воинской части», все поняли, что время валить пришло, иначе будет необратимо худо.

На счастье, на базу приземлился борт, прилетевший из Чкаловска забрать ковры и сувениры, какие для большого начальства привезли на базу из офиса самого Каддафи. Наше руководство даже в момент крушения мира не забывало о подношениях. Полагая, что другой оказии может не быть, я и еще несколько офицеров наскоро побросали в сумку самое необходимое, или то, что попалось на глаза в своей комнате, и мы не шагом, а бегом, боясь, что самолет улетит, бросились к нему. Пыльная бетонка плавилась под солнцем, легкие разрывал сухой воздух, а в спину нам смотрели молчаливые ливийские часовые. Летчики не успели отреагировать, как я и остальные влетели в темное нутро Ил-76.

— Куда вы? — Обреченно крикнул бортинженер, пытаясь перекричать гул запускающихся двигателей.

— На Родину, командир! В Союз! — Почти хором ответили мы.

— А нет Союза! — Язвительно отозвался летун с интонацией явного сожаления.

— Но что-то же есть? Вот туда и летим! — Крикнул летуну кто-то из нас.

Летчик махнул рукой, прекрасно зная о нашей судьбе забытых и покинутых.

Самолет был транспортный и практически не приспособленный для перевозки пассажиров на дальние расстояния. Поэтому стюардессы не было, кофе и сэндвич никто не предложил. Я провел пять часов на жестком сиденье — откиднушке у железного борта самолета, вздрагивая на каждой воздушной яме и слушая оглушительный рев турбин. Наконец самолет пошел на снижение, коснулся бетонки, остановился, и мы, «зайцы» на этом самолете, выскочили на сырую землю под хмурое подмосковное небо. Обалдевшие от увиденного пограничники, находящиеся на аэродроме Чкаловский, просто открыли рты от удивления, увидев целую группу даже не просто зайцев, а нарушителей пограничного режима, загорелых, в выцветших под жгучим африканским солнцем мундирах, а кто и вовсе в полувоенной одежде без знаков различия.

— Эй, земляки, вы откуда такие нарисовались? — Только и смог произнести один из удивленных погранцов, перехватывая автомат.

— Свои мы, офицеры, возвращаемся из командировки из Африки, — Ответил один из нас, после чего мы своей массой просто оттеснили погранца и прорвались через «границу». В стране царил такой хаос, что до нас никому не было дела.

А нас реально потеряли. В бардаке девяносто второго года нас даже искать никто не стал. В том бардаке пропало министерство обороны СССР, а министерство обороны РСФСР числилось только на бумаге, пропадали архивы тоннами, пропадали воинские части и их имущество. Естественно, что в таком бардаке позабыли и о воинской части, потерявшейся в песках Сахары.

Понимая, что в родном министерстве ловить нечего, а кормить себя и семьи нужно, мы разбрелись по просторам великой страны и занялись поиском заработка. Язык не сильно много приносил денег и хлеба, времена изменились, старые связи рушились, и пришлось заняться более прозаичным «купи-продай». Это были жесткие годы первоначального накопления. Приходилось крутиться, рисковать, сталкиваться с бритоголовыми ребятами в кожаных куртках. Но армейская закалка и умение читать людей по глазам помогали выживать. Появились деньги, появилась уверенность. А поскольку много раз слышал, что знание языков — не профессия, я задумался о приобретении той самой, что будет кормить всю оставшуюся жизнь. Жизнь сама подсказала, какую профессию выбрать. Помог случай. Случайно оказавшись в Росвооружении, образованном президентским указом, где занимался переводом технической документации изделий, отправляющихся на экспорт, я вплотную поработал с юридическим отделом и определился с профессией. Буду я юристом!

Сказано — сделано, и я поступил в МГЮА. Московская государственная юридическая академия дала мне системность. Юрист со знанием иностранных языков тогда пользовался огромным спросом. Мое военное прошлое и здесь сыграло на руку: пока гражданские сокурсники плавали в формулировках, я анализировал тексты контрактов как шифровки. В судах это помогало на раз-два. Оппонент выстраивает сложную психологическую защиту, а я вижу логические прорехи, нестыковки в датах и формулировках, точно так же, как когда-то вычищал ошибки в актах технического осмотра ливийских МиГов. Я продолжал работать в Росвооружении, но уже в международно-правовом отделе, где набивал руку на написании международных контрактов, рекламациях, на судебных спорах всяческих структур, от государственных экономических судов до коммерческого арбитража и третейских судов при торгово-промышленных палатах. Увы, мой профессиональный рост катастрофически опережал рост зарплаты. В те годы инфляция сжирала всё. И наступил момент, когда на мою государственную зарплату можно было купить лишь несколько бутылок водки да на закуску батон «Докторской» и батон хлеба. Решение уходить совпало с поступившим предложением от знакомого приятеля — адво-

ката из Инюрколлегии. Сдав адвокатский экзамен, я перебрался в Инюрколлегию, где занялся делами клиентов наших за границей и делами клиентов «не наших» в России.

Вот с этого момента и началась та самая история, по которой я сейчас, спустя двадцать лет, вновь еду на остров Джерси. Хотя, признаюсь, что даже не представляю, зачем я сейчас тут, на этом пароме. Поддался сентиментальному безумию. Что я хочу найти на этом клочке суши, на острове в проливе? Воспоминания двадцатилетней давности? Найти Сару, симпатичную брюнетку из полиции острова, которую не видел двадцать лет? Возможно, она сменила жилье, возможно, она вышла замуж и сменила фамилию, возможно, она вовсе покинула остров Джерси. Зачем я сорвался из Москвы и теперь стою на палубе этого парома? Ответов у меня нет. Я не знаю.

Боясь позабыть английский язык, нет, не общий с разговорами про овсянку и погоду, а профессиональный язык, язык бизнеса, финансов, банков, я начал брать уроки языка у чудесной женщины средних лет, Маргарет. Она, проработав долгие годы в банках Сити, на пенсии решила подрабатывать уроками и оказалась грамотным репетитором английского языка, с которой мы общались по скайпу. Маргарет оказалась не только репетитором, но и жительницей острова Джерси.

Мы обсуждали с Маргарет британскую банковскую систему, место и роль в ней Джерси. Она с упоением рассказывала мне о Королевском суде, о законах Нормандских островов, которые уходят корнями в средневековое герцогство Нормандское. С каждым занятием языком с Маргарет я мысленно уносился на остров. Мы много разговаривали о Джерси — о его узких дорогах, где два автомобиля едва могут разъехаться, о тихих бухтах и старинных гранитных домах. Да, за двадцать лет я позабыл многое, но уверен, что, вернувшись на остров, смогу бродить по нему и не потеряться.

Наверное, если бы Маргарет жила не на острове, а где-то еще, я бы и не решился поехать на Джерси. Но вот факт. В одно из занятий с Маргарет, когда она описывала, как цветет дрок на утесах Сент-Уэна, я решил, что надо ехать! Решил. Теперь нахожусь тут, на пароме, быстроходном катамаране, который только что отчалил от причала в порту города Пул и через четыре часа пришвартуется в порту Сент-Хелиера на Джерси.

Удивительно, но получение британской визы, необходимой для посещения заморских территорий и, в частности, Джерси, оказалось гораздо легче, чем получение визы какого-то иного государства. Большая анкета не испугала. Заполнил. Мой мозг щелкал эти вопросы как орехи. Запнулся лишь на графе, служил ли я когда-либо в силовых структурах. МИ-5 ведь всё равно проверит, если захочет. Решил не играть с ними в прятки. Написал честно: «Да, служил, старший лейтенант запаса». К анкете взял с работы справку, сам перевел ее на английский. Справку в банке мне сразу выдали на английском. Что еще? Ну, перевел свидетельство, что являюсь собственником гаража, показав, раз есть в России собственность, то имею твердое намерение вернуться домой после путешествия. Сотрудники визового центра, верно, посмеялись над этим гаражом, но привязку к родине оценили. Авиабилеты, медстраховка? Они не обязательны для подачи на визу Королевства. Так что визу я получил быстро и без проблем, и через несколько дней уже сидел в самолете Москва — Лондон.

Подлетая к Лондону, получил от стюардессы анкету на небольшом кусочке бумаги, заполнил ее и уже в Хитроу, на границе, эту бумажку подал офицеру полиции. Мне повезло, что при прохождении границы не было много приземлившихся самолетов и пассажиры не стояли длинными вереницами перед будками с полицейскими. Я все ожидал подвох, что меня завернут обратно в Москву, мотивируя тем, что я и через двадцать лет представляю угрозу интересам безопасности Королевства. Старые грехи имеют долгую память. Но меня пропустили, даже не задавая вереницы вопросов о цели прибытия. Меня лишь спросили, куда Сэр, то есть я, направляюсь. Удовлетворившись ответом, совпавшим с тем, что я написал на бумажке, а конкретнее — отель на острове Джерси, мне шлепнули штамп в паспорт о прибытии в виде

маленького аккуратного самолетика и пропустили. Уже через минут пятнадцать я схватил свой чемодан и рванул на автовокзал, что рядом с первым терминалом, радуясь тому, что именно первый оказался местом приземления нашего самолета. На автовокзале, надеясь, что сегодня, не как двадцать лет назад, автобус идет прямо в Пул без остановки на пять часов в Борнмуте, я прошу кассира продать мне билет именно до Пула. Увы, надежды не оправдались!

— Хеллоу, мэм! Мне нужен один билет до Пула, плиз!

— На фига тебе, парень, до Пула? Хочешь пять часов болтаться на вокзале в Борнмуте? Бери билет до Борнмута, а от него в Пул подскочишь за десять минут поездом. Автовокзал рядом с поездом, — Неожиданно по-свойски, честно хмыкнула толстая англичанка африканского происхождения за стеклом кассы.

— Ок! Дай мне один билет до Борнмута! Плиз! — Согласился я и через несколько минут с билетом в руках бежал до площадки, где стоял мой автобус, ожидая пассажиров.

Через пару минут я оказался на платформе у огромного двухэтажного автобуса National Express. У автобуса скучал водитель, который лениво проверял билеты, забрасывал чемоданы и сумки в багажное отделение под автобусом. Отдав багаж водителю, я влез в нутро автобуса и плюхнулся в кресло, которое скорее напоминало кресло авиалайнера. Два с половиной часа я скучал в автобусе, добираясь до Борнмута. Изначально автобус долго кружил по территории аэропорта, по многочисленным терминалам, собирая пассажиров. Как мне показалось, целых полчаса. Потом он выскочил на хайвей, и мы быстро побежали по дороге. Пара часов пролетели незаметно. Я разглядывал в окне пролетавшие мимо зеленые холмы, аккуратные живые изгороди, пасущихся овец и незаметно для себя заснул. Проснулся, когда автобус мягко вкатился в Борнмут и остановился на автостанции.

— Сэр, ваша станция. Борнмут, — Сухо, без эмоций сообщил водитель и вышел, чтобы достать мой чемодан. Забирая свой чемодан, я поблагодарил водителя и сделал было шаг, чтобы отойти от автобуса, как услышал его голос:

— Сэр, если Вам нужен поезд, то вот вокзал, напротив нас! — С этими словами водитель рукой показал мне на викторианское здание вокзала из красного кирпича через дорогу.

Я знал, где вокзал, да и невозможно его не увидеть! Но все равно я поблагодарил водителя и, схватив чемодан за ручку, потопал на вокзал к поезду. Короткий переезд в Пул, и вот я снова на знакомом перроне. От вокзала в Пуле пришлось снова топать пешком. За двадцать лет дорогу не позабыл, да и забыть невозможно, поскольку путь лежит по центральной прямой пешеходной улице High Street до самой бухты, далее сворачиваю налево и до моего маленького отеля «Честл». За двадцать лет ничего тут не изменилось, что даже радовало, поскольку каждая картинка городского пейзажа — старинные пабы, вывески, герань в окнах — возвращала меня в те годы, которые не вернуть. Бросив чемодан в номере, я побродил по набережной бухты, зашел в паб пообедать, заказав традиционный эль, а когда стемнело, завалился спать, дабы не проспать свой паром на остров.

И вот я стою на палубе «Конкорда», смотрю на пенный след за кормой и рассуждаю: правильно ли поступил, что приехал в Великобританию и сейчас катамаран несет меня на Джерси? Может, это иллюзия, бесполезная попытка вернуться в прошлое, где я, моложе на двадцать лет, где кипели шпионские страсти, где молодая Сара, «агент Кремля», британская разведка и контрразведка, погони и слежки?

Начало

А все начиналось совсем нелепо, или как я, «русо-туристо», оказался втянутым в шпионские страсти. Двадцать лет назад, как и сейчас, я приехал таким же маршрутом на Джерси самым обычным туристом, намеревающимся пить эль и виски в пабах, купаться в холодных водах Ла-Манша, или Английского канала, как эти воды любят называть сами англичане, да гулять по Королевской улице, делая разные покупки для своего удовольствия. Я совсем не думал, что я и только я окажусь спасителем интересов Родины, ну и судьбы красивой брюнетки Сары.

Бутылка Шабли и пограничный контроль

Итак, поболтавшись по Сен-Хелиеру, попив эль и виски, я решил попробовать экзотики, а конкретно — кальвадоса. Настоящего бретонского или нормандского яблочного бренди. Можно сказать коньяк, если хотите, произведенный на яблоках. Теоретически все просто. Накидай яблоки в емкость, сделай из них сидр. Потом сидр заливаешь в большой круглый медный сосуд, аламбик, эдакий местный самогонный аппарат, и накапай из него первача, который потом укатай в дубовую бочку и оставь дозревать лет эдак на десять, восемнадцать. Считается, что французы лучшие спецы по изготовлению кальвадоса. Так что я, предусмотрительно еще в Москве заполучив французскую визу и купив билет на паром в Сен-Мало, сел на корабль и направился во Францию за спиртным.

Час на пароме пролетел как одна минута. Пассажиры, не успев занять свои места, моментально понеслись в ларек дьюти-фри, скупая пиво ящиками, вино коробками. Поддаваясь общему порыву, оказался в ларьке и я, где схватил бутылку Шабли и штопор и направился к кассе. С одной бутылкой и штопором я сильно выделялся на фоне англичан с их забитыми доверху тележками. Было явно видно, что я намерен приговорить Шабли здесь и сейчас. Так что кассир предложила мне более дешевый и удобный вариант:

— Сэр, предположу, что Вы желаете выпить это вино прямо сейчас. Тогда Вам удобнее купить его в кафе этажом выше. Там из бутылки извлекут пробку, и Вам не придется платить еще за штопор.

Хм… предложение достаточно резонное. Я поблагодарил кассира за совет, вернул бутылку и штопор на место и поспешил на второй этаж нашего корабля. Так и произошло. Мне продали бутылку, вытащили пробку, да еще снабдили пластиковым стаканом на узенькой ножке, внешне похожим на рюмку. Я сидел у панорамного окна, попивал ледяное Шабли и разглядывал, как далекий французский берег, окруженный мощной крепостной стеной, медленно приближался, пока не превратился из смутно-серого в реальный город с очертаниями гранитных домов, над которыми гордо высился шпиль собора Сен-Венсан. У подножия стен покачивались на воде яхты всех размеров. Сен-Мало! Старинный город корсаров, помнивший набеги, пороховой дым и соленый ветер атлантического побережья. Паром мягко причалил к пристани, и я в потоке шумных пассажиров пошел на выход.

На выходе скорость пассажиров замедлилась. Необходимо пройти границу, показать паспорт жандарму в будке. Тот почти спал от полуденной жары и лениво получал от пассажиров паспорта, лениво листал и лениво возвращал обратно. Пассажиры совали ему в руки паспорта французские, британские. Подошла моя очередь, я тоже сунул жандарму свой паспорт, внешне тоже красный, как и паспорта граждан Евросоюза. Но пограничник на то и пограничник, чтобы иметь профессиональное чутьё. Жандарм сонно принял мой документ, но моментально проснулся, поняв по золотому гербу с двуглавым орлом, что он отличается от остальных. Его брови поползли вверх. Он внимательно изучил мою фотографию, затем пролистал до французской визы, удовлетворенно хмыкнул, шлепнул штампик о прибытии с аккуратным силуэтом пароходика, вернул паспорт и моментально снова «заснул».

Тогда я еще не подозревал, что этот городок окажется важнейшей вехой в моей жизни и превратит меня из туриста, пьющего кальвадос, в шпиона. Так что я быстрым шагом прошелся по старому городу внутри крепостных стен Intra-Muros, разглядывая его суровые средневековые дома из темного гранита, да направился на железнодорожную станцию, где сел на поезд и через час уже шагал по улицам столицы Бретани — Ренна. Это же чудесно, выпить французское вино во французском ресторанчике! Удручала лишь одна мелочь: что я ни бум-бум по-французски, а местные жители наотрез отказывались общаться на английском. Сказать

по правде, они английский просто не знали, или извечная гордость не позволяла им на нем говорить.

Еще в Сен-Мало я чуток заплутал, топая до поездов, и решил спросить дорогу у местных. Шли старшеклассники с рюкзаками, но на мой вопрос по-английски отрицательно замотали головами и отвалили от меня, словно я заговорил с ними по-монгольски или по-русски. Тогда я заметил мужика средних лет. Он шел с кожаным портфелем, в строгом костюме, и на шее болтался дорогой галстук. Значит, образованный, подумал я и не ошибся.

— Месье, Вы говорите по-английски? — Спросил я его.

— Да! — Гордо ответил месье на чистом английском и свободной рукой поправил галстук.

Увы, на мой дальнейший вопрос, как пройти к вокзалу, «образованный» месье мгновенно завис, его взгляд остекленел, и он начал хлопать глазами, пытаясь выдавить хоть слово. Языковой барьер — штука суровая. К счастью, мой мозг выдал ассоциацию: я вспомнил, что наше слово «гараж» фонетически похоже на французское обозначение вокзала, и четко, с нажимом произнес:

— Гараж!

Месье словно подменили, когда он услышал знакомые звуки! Лицо его просияло.

— Ля Гар! — Радостно закричал месье и принялся активно мне объяснять дорогу.

Из его скорого французского я мало что понял, но внимательно следил за его руками, которые выразительно чертили в воздухе повороты. Распрощавшись со знатоком английского языка, я быстро нашел дорогу к поездам.

Кальвадос. Первая встреча с Сарой

В Ренне я переночевал в маленьком отеле, а утром вернулся в Сен-Мало. Но не поездом, а пригородным автобусом, который шел через живописный маленький городок Динан, главными достопримечательностями которого были древний замок и средневековый рынок. Выскочив из автобуса, погуляв по замку, я дождался автобуса, идущего в Динар — курортный городок на самом побережье Ла-Манша, и уехал. Попав в Динар, я даже пожалел, что не остановился в нем: настолько он был красивым, с роскошными викторианскими виллами, нависающими над морем. Честно говоря, я и не планировал оказаться в Динаре, но прямого автобуса в Сен-Мало не было, и мне пришлось дожидаться уже третий автобус, чтобы он перевез меня на другую сторону бухты, где находился Сен-Мало и причал с моим паромом на остров. Кстати, кто будет в Динаре ожидать на остановке автобус в Сен-Мало, обратите внимание: прямо на остановке находится булочная-кондитерская, где продают вкуснейшие, тающие во рту эклеры!

Короче говоря, я добрался до Сен-Мало и сразу направился в местный бутиковый «ликеро-водочный» магазин. А в нем этих кальвадосов целый ряд на полках, от молодых до янтарных, почтенного возраста. На себе не экономят, и я выбрал самый дорогой, в тяжелой бутылке из темного стекла со сроком выдержки восемнадцать лет. Сто восемьдесят евро, это серьезная цена для бутылки алкоголя! Продавец принялся было ее красиво упаковывать в шелковую бумагу, полагая, что я купил ее в подарок какому-нибудь важному лицу. Я его остановил, сообщив, что эту бутылку я купил для себя любимого, чтобы скоротать вечер в отельной комнате.

— Отличный выбор, месье! Очевидно, месье себя любит. — Искренне уважительно проговорил продавец на английском, в чем он был абсолютно прав.

В соседней лавке я прихватил пару баночек аутентичных бретонских сардин в масле и хрустящий, еще горячий французский багет, который торчал из моего пакета как антенна. С этим стратегическим запасом из бутылки и закуски я направился на пристань, где уже пришвартовался паром, идущий по маршруту Сен-Мало — Джерси — Гернси — Пул. Пассажиры вереницей не спеша шли мимо будки с жандармом и протягивали ему в окошко паспорта. Жандарм был другой, но такой же сонный и ленивый, как и первый. Он лениво принимал документы, формально, даже не глядя, пролистывал их и возвращал владельцам — французам и англичанам. Но он так же мгновенно проснулся, увидев паспорт гражданина России. Ну да, не каждый день на паром до Джерси садится гражданин далекой и непонятной России. Жандарм проснулся, внимательно пролистал паспорт до французской визы, затем, проверяя законность моего въезда, нашел квадратный штампик с пароходиком и, найдя его, очень удивился:

— Месье приехал во Францию только вчера и уже покидает нас?

Я поднял на уровень его глаз фирменный пакет винного бутика, из которого аппетитно пахло теплой корочкой багета, и ответил:

— Французский кальвадос известен в России своим прекрасным вкусом. Вот, приехал специально за ним. Купил, немного погулял по Бретани и возвращаюсь на остров. Вечером выпью. Жандарм широко улыбнулся, оценив то, что я так высоко поставил их национальный напиток:

— Месье, счастливого пути! А когда выпьете, возвращайтесь. Буду не на службе, охотно выпью кальвадос вместе с Вами!

Я поднялся на борт парома, неся в руке фирменный пакет винного бутика, в котором надежно покоилась бутылка, пара баночек сардинок и вызывающе торчал багет. Я уже предвкушал, как в своем номере открою баночку сардинок, отломаю кусок от багета, налью золотистый кальвадос и закушу вкуснейшей рыбой! С этим пакетом в руке я вошел на паром и через час сошел с него в Сен-Хелиере на острове.

Покидание парома во Франции и возвращение на остров оказались совершенно разными вещами. Это во Франции были сонные и ленивые жандармы. Английская полиция и таможня на острове, хоть и вежливая, но агрессивная, и в каждом прибывающем видит либо нелегала, мечтающего зацепиться в Королевстве, либо шпиона, мечтающего украсть секреты Короны.

Тоже будки с полицейскими, тоже очередь прибывших пассажиров с паспортами в руках. Очередь двигалась быстро, пока к будке не подошел я и не протянул свой багровый паспорт. За будками с полицейскими стояла девушка в форме. Девушка стройная, брюнетка, потрясающе симпатичная. Я изначально не обращал на нее внимания, занятый мыслями о предстоящем ужине. Ну стоит себе и стоит. Когда же я протянул полицейскому свой российский паспорт, а тот разглядел, что у него в руке, он моментально изменился в лице, обернулся к стоявшей позади брюнетке и молча протянул ей мой документ.

Девушка взяла паспорт, скользнула взглядом по обложке, и ее глаза встретились с моими. В этом взгляде было что-то странное — не дежурная подозрительность офицера, а глубокое, наэлектризованное напряжение.

— Сэр, прошу Вас подойти ко мне! — Прозвучал требовательный, но удивительно приятный голос брюнетки.

Ну а что мне еще оставалось делать? Конечно, я проследовал за девицей, и мы оказались в узком, изолированном коридоре безопасности вдвоем. Дверь за нами закрылась, отсекая шум прибывающего потока пассажиров. Воздух здесь казался сухим и прохладным, пахло чистящими средствами и дорогой кожей ее портупеи. Здесь и произошел наш первый странный разговор.

— Сэр, Вы русский?

— Конечно. У Вас же в руках мой российский паспорт.

— Зачем Вы приехали на остров?

— Вообще-то я тут живу уже несколько дней в отеле. Вот, пожалуйста, ключ от номера с эмблемой и наименованием отеля, — Я выудил из кармана массивный ключ.

— Если Вы тут живете несколько дней, то каким образом сейчас приехали на остров паромом? — Ее взгляд сканировал меня, задерживаясь на лице, на очках Gucci, на пакете.

— Потому что я вчера уезжал с острова паромом во Францию.

— Вы уехали вчера и вернулись сегодня? Зачем?

— Что значит, зачем? Я турист. На Джерси отдыхаю и волен ехать куда хочу и на сколько хочу. Всем известно, что французский кальвадос — лучший кальвадос в Европе. Вот и поехал прикупить себе на вечер. Заодно прокатился по Бретани, посмотрел регион, где этот кальвадос производят.

На слове «кальвадос» брюнетка едва заметно, но резко вздрогнула. Ее тонкие пальцы, державшие мой паспорт, напряглись так, что побелели костяшки. Она уставилась на меня так, словно я только что прочитал ей наизусть совершенно секретный устав МИ-6. Признаюсь, меня пугал и одновременно завораживал ее пристальный взгляд. Я не понимал такой резкой перемены на ее лице. В ее карих глазах отразилась целая гамма чувств: острое напряжение, секундное разочарование, растерянность и… дикое, почти осязаемое облегчение. Она смотрела на меня, ее грудь под строгой форменной рубашкой вздымалась чуть чаще, чем следовало бы офицеру на посту. Она явно чего-то ждала от меня, какого-то знака, продолжения фразы. Но я молчал и просто ждал, когда закончатся эти нелепые формальности, меня отпустит эта красивая девица и я у себя в номере буду расслабляться, закусывая багетом и сардинками.

Не дождавшись от меня каких-либо кодовых слов, девица сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть лицу маску официального безразличия, и произнесла:

— Я забыла представиться. Меня зовут Сара Керк, я офицер контрразведки и специалист по России, сектор по связям с Восточной Европой.

Я не знал, как реагировать на ее официальный доклад об имени и должности, внутри проснулся старый курсантский азарт, и я полушутя ответил:

— Меня зовут Майкл, и я обычный турист из России, приехал на остров осматривать достопримечательности, пить виски. Но сегодня я буду пить кальвадос. — С этими словами я с легкой улыбкой продемонстрировал Саре тяжелую бутылку кальвадоса, приподняв её из пакета.

По лицу девицы было видно, что ее мозг работает на бешеной скорости. Лишь потом, намного позже, я узнал, что Сара в тот самый момент поняла, что совершила колоссальную ошибку и приняла меня за совершенно другого человека, за профессионального связника из Москвы. Но в тот миг Сара меня чертовски заинтересовала. Я взглянул на нее не как на сотрудника британских спецслужб, а как на женщину, красивую, с точеной фигурой, глубокими темными глазами и чувственными губами, которые сейчас были строго сжаты. Сара была удивительно хорошенькая в этой своей строгой форме, и я позволил себе смелость пошутить:

— Сара, Вы очень красивая девушка. Если бы не ваша суровая форма, я с огромным удовольствием пригласил бы вас к себе в номер на стаканчик этого восемнадцатилетнего кальвадоса и эти потрясающие сардинки, которые купил закусывать алкоголь.

Мой взгляд скользнул по ее лицу, задержался на линии шеи, уходящей под воротничок. Мне показалось, что на секунду Сара взглянула на меня совсем по-другому, тепло, по-женски, и в глубине ее глаз промелькнула искра явного интереса. Ей явно понравилось мое наглое предложение, но долг и служба не позволяли ей расслабиться.

Сара впервые за наш разговор едва заметно улыбнулась уголками губ, но ответила строго официально:

— Сэр, Вы можете подойти к стойке, полицейский проставит отметку в паспорте о Вашем прибытии на территорию Короны.

С этими словами девушка резко отвернулась от меня, скрывая легкий румянец, прошла обратно в зал прибытия пассажиров и отдала мой паспорт полицейскому в будке. Понимая, что продолжения разговора прямо сейчас не будет, я проследовал к будке, забрал свой паспорт со свежим штампом и направился прочь из здания вокзала. Хотя вру. У самого выхода я не удержался и обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Сару, и заметил, что она тоже провожает меня взглядом. Наши взгляды встретились в толпе, и я увидел, как на ее лице снова мелькнула едва заметная, сговорчивая улыбка. Тогда я подумал, что было бы чертовски приятно закрутить с этой красивой пограничницей краткосрочный курортный флирт, даже не подозревая, в какую бездну шпионских игр этот флирт меня затянет.

Надираться в одиночку в номере отеля желания было мало. Я выглянул в окно. За окном уже совсем стемнело, и в плотной приморской темноте горели слабые, подрагивающие на ветру огни на пирсе. Взяв бутылку кальвадоса, стакан и яблочный сок, купленный в польском продуктовом магазинчике почти напротив отеля, я покинул свой номер и направился в сторону пирса, уходящего в ночную темноту далеко в море.

Читатель спросит: можно ли пить на улице? Конечно нет! Нельзя пить ни в Москве на улице, ни в Сен-Хелиере! Но какая полиция будет искать меня в ночной темноте на самом краю пирса? Я удобно расположился на гранитных ступенях, уходящих прямо в море, и, рассматривая черные, маслянисто блестящие воды, налил из бутылки кальвадос в стакан и выпил. Восемнадцатилетний кальвадос нет необходимости запивать — таким мягким, глубоким и согревающим ощущается этот благородный напиток. Но яблочный сок был вкусен и сам по себе, так что я выпил и его, вдыхая соленый, горьковатый запах водорослей. Тем временем начинался прилив. Море, которое изначально плескалось значительно ниже моих ног, теперь шумно омывало гранитные плиты. Хорошо, что я предусмотрительно снял обувь и закатал штанины. Пришлось переместиться на пару ступенек выше. Но ненадолго. Не прошло и пяти минут, как и с этой ступеньки пришлось уходить под натиском наступающей волны. Плеснув золотистого напитка

в стакан и выпив его одним большим глотком, я решил вернуться в номер, где меня все еще ждали вкуснейшие сардинки.

Кальвадос

В номере я все же не добил бутылку кальвадоса, оставив в ней примерно четверть напитка, зато с большим аппетитом съел все сардинки, закусывая их хрустящим багетом. А из головы никак не уходила очаровательная брюнетка с пограничного поста. Ее точеная фигура в строгой форме, эти карие глаза, в которых на секунду промелькнуло что-то совсем не служебное… Я поймал себя на мысли, что отчаянно захотел с ней еще раз встретиться. Но как? Бродить у порта в глупой надежде случайно ее встретить? Идея так себе, поскольку я даже не знаю, в какое время заканчивается ее смена и через какой именно выход она покидает порт. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что она точно будет на своем рабочем месте, на границе, встречая прибывающих пассажиров. И тогда у меня созрел план. Ну, план не план, а так, авантюрная идея. Я решил завтра снова поехать паромом в Сен-Мало за кальвадосом. И снова я пройду мимо нее, а там куда кривая выведет. Почему снова за кальвадосом? Ну, это, наверное, прикольно, эдакое дежавю, полностью повторяем сегодняшнюю ситуацию. Зато у меня будет отличный повод для начала шутливого разговора про бутылки элитного алкоголя! С такой мыслью я завалился в кровать и быстро заснул под крики ночного ветра.

Проснулся утром одновременно со звонком будильника и истошными криками чаек за окном. К крикам чаек я успел привыкнуть за дни пребывания на острове. Эти страшные, наглые создания приноровились своими мощными клювами сбрасывать тяжелые крышки с мусорных баков. В баках они с треском разрывают пакеты с мусором и выискивают съедобное для себя. Это же гораздо проще, чем добывать себе рыбу в холодном море! Поэтому каждое утро в округе наблюдалась одна и та же картина: крышки с мусорных баков валяются на асфальте, по всей округе разбросаны обрывки пакетов и разный бытовой мусор.

Итак, я проснулся в шесть утра, и моя задача быстро собраться, быстро позавтракать в отельном ресторанчике и быстро дойти до порта, чтобы купить билет на первый же паром и снова ехать в Сен-Мало за бутылочкой кальвадоса. Ах да, и не забыть купить новые сардинки!

Все повторилось с точностью до деталей. Никто не проверяет паспорта пассажиров, покидающих остров, — обычный досмотр багажа через рамку сканера, и все. Подхватив свою сумку, я влетел на паром Condor Liberation. Паром шел из английского Пула, и в его «столовке» практически всю еду смели пассажиры, путешествующие из Англии, проведшие в дороге уже три часа, да еще подсевшие на Гернси. Но кое-что на раздаче все же осталось, и пассажиры с Джерси дружно двинулись в столовку в надежде найти хоть что-то съедобное. Я же только что плотно позавтракал в отеле, съев настоящий английский завтрак, жирные сосиски с беконом, яичницу, тушеные помидоры и фасоль. Поэтому есть совершенно не хотел. Снова покупать Шабли и скоротать час за стаканом? Нет! Пить с самого утра, да еще после вчерашнего вечера с кальвадосом? Как говорится, пожалейте свою печень!

Я вышел на открытую палубу, где на меня тут же напал сильнейший океанский ветер. Ветер так бешено завывал в снастях, что я не мог расслышать даже плотный шум мощных двигателей катамарана. Я намертво вцепился руками в поручни борта корабля и всеми силами боролся с ветром, который словно желал оторвать меня от палубы и скинуть в свинцовую пучину.

Я уже изрядно замерз на этом ветру, но не имел ни малейшего желания уходить внутрь салона, туда, где царили тишина, тепло и стояли мягкие кресла с бордовой обивкой. Я упорно всматривался в бескрайнее серое море. Наконец впереди показался остров — небольшой каменистый выступ из воды, весь покрытый белыми точками чаек, облюбовавших себе этот дикий клочок суши в качестве места отдыха. Если мы проходим этот булыжник, торчащий из воды, значит, минут через десять в тумане покажется серая городская стена, окружающая Сен-Мало.

Так и произошло. Показался старинный город корсаров, мы мягко швартуемся у причала и выходим на берег. Снова сонный французский жандарм в будке, автоматом берет паспорта у пассажиров, делает ленивый вид, что проверяет данные, и через пару секунд возвращает документ владельцу. Но жандарм снова мгновенно проснулся, взяв в руки мой российский паспорт. Нашел французскую визу и вчерашние штампики приезда и выезда. Его губы расплылись в понимающей улыбке.

— Месье вчера нас покинул, а сегодня снова к нам в гости? Не удивительно, что месье во Франции понравилось больше, чем у этих чопорных англичан! — Весело пошутил жандарм.

Я, беря из его рук паспорт, с улыбкой ответил:

— Кальвадос у вас замечательный! Что вчера купил, вечером уже выпил. Вот, приходится возвращаться за новой порцией.

Жандарм громко рассмеялся, ставя свежий штамп:

— Месье, кальвадос у нас действительно отличный. Но не увлекайтесь! Не заметите, как окажетесь в цепких руках бога Бахуса!

Пройдя границу, я отправился в старый город, туда, где вчера купил элитный алкоголь. Увы, я совсем не предполагал, что вернусь сюда так быстро, и, признаюсь, совершенно не запоминал названия улиц, на которых находился тот самый «вино-водочный» магазин. Так что я просто бесцельно болтался по центру старого города, переходя от одной узенькой улочки на другую, любуясь гранитными фасадами. Делая по городу уже третий круг, я в очередной раз взобрался на мощную городскую стену, прошел мимо старинных чугунных пушек. На стене я ненадолго задержался. Как раз начался отлив, море отступило далеко от городской стены, обнажив песчаное дно, и вереница людей пошла пешком до форта, который во время прилива превращается в неприступный остров. Я спустился со стены обратно на мощеные улочки города и, вуаля! Вот же он, нужный мне винный магазин!

Изначально продавец меня не узнал и начал с искренним сожалением пояснять на английском, что туристы с утра раскупили весь недорогой кальвадос стоимостью до ста евро. Даже за сто двадцать евро, и тот весь подчистую скупили. Осталась на полке всего одна бутылка, но очень дорогая. Это восемнадцатилетний кальвадос за сто восемьдесят евро. Его интонация говорила сама за себя: он явно не думал, что праздно шатающийся турист в плаще потратит кучу денег на алкоголь, пусть и элитный. Но когда он услышал, что я пришел именно за этой конкретной бутылкой, он с огромным интересом взглянул на меня и только в этот момент узнал во мне вчерашнего покупателя. Его глаза округлились.

— Месье, вы потеряли или разбили вчерашнюю бутылку? — Продавец просто не мог себе представить, что можно в одиночку выпить такой дорогой напиток за один вечер и снова вернуться за ним на следующий день!

Пришлось его успокоить и немного наврать ради спасения репутации:

— Я действительно вчера открыл бутылку, выпил немного с друзьями и понял, какой у нее божественный вкус. А эту бутылку я намерен взять с собой далеко в Москву, в качестве сувенира для очень важного человека.

— У Вас, месье, отличный вкус! — Уважительно отозвался продавец, бережно упаковывая бутылку и укладывая ее в фирменный пакет.

Дальнейший мой путь не отличался разнообразием. Заход в знакомый магазинчик за сардинками, покупка горячего багета и дорога на паром. До отхода катамарана оставалось еще достаточно времени, и я решил посидеть в ближайшем баре, выпить пинту прохладного эля, лениво разглядывая местных жителей и туристов.

Признаюсь честно: я еще на улице заприметил какого-то странного типа, который уже долгое время неотступно болтался позади меня. Я иду по улице, и он туда же, сохраняя дистанцию. Я захожу в магазин, а он остается у входа на улице, делая вид, что с интересом разглядывает товар в соседнем ларьке. Я вышел из магазина с бутылкой кальвадоса, и этот тип снова

молча потопал за мной. Кто он? Зачем следит? Местной полиции я вроде интересен быть не должен. Может, обычный воришка-карманник, ждущий удобного случая, чтобы незаметно из моего кармана подрезать кошелек?

Я вошел в бар и прислонился к барной стойке, рукой привлекая внимание занятого бармена. Внутри было душно и многолюдно. Плотная толпа местных жителей с азартом смотрела футбольный матч на большом экране, висевшем на стене. В баре стоял стойкий, тяжелый запах пролитого пива, жареной рыбы и табачного дыма. Едва я сделал заказ бармену, как рядом со мной у стойки резко нарисовался странный мужчина. Но это был не тот тип в сером, который болтался за мной по всему старому городу, а другой. Я повернулся к нему с недовольным лицом, намереваясь вылить на него всю накопленную английскую брань и крепкий русский мат за нарушение личного пространства, как мужчина вдруг негромко заговорил.

— Минаев, черт тебя дери! Ты какими судьбами в этой дыре? — Негромко, но поразительно отчетливо произнес он по-русски. Он смотрел на меня в упор, и на его обветренном лице играла усмешка искреннего удивления.

Я чуть не пролил свой эль прямо на стойку. Перед глазами мгновенно, яркой вспышкой пронеслись бесконечные коридоры Военного Краснознаменного Института, казарма, ночные зубрежки арабских неправильных глаголов и наше суматошное распределение далекого 1989 года.

— Пашка?… Козырев? — Вырвалось у меня от неожиданности.

Шпион поневоле

Это был мой сокурсник по институту. Пашка Козырев — извечное несчастье преподавателей военной фонетики и лучший волейболист институтской сборной. В отличие от меня, уволившегося в девяносто втором году в запас и ушедшего на вольные хлеба, Пашка после развала Союза остался в системе. Весь наш курс прекрасно знал, в какую именно систему и контору он распределился, но особо распространяться об этом было не принято. Он уехал тогда в длительную командировку, кажется, в Алжир, и на некоторое время полностью пропал с моих радаров.

— Пашка, как долго мы не виделись… Ты же вроде в Алжире должен быть, среди песков? — Обрадованно начал я разговор, протягивая руку.

— Я давно уже не в Алжире, Миша. Командировка закончилась. Я вернулся в Союз… ну, не в Союз, а в Россию, короче. Некое время служил в центральном аппарате на Грибоедова, а сейчас вот тут, во Франции.

— В нашем посольстве, в Париже? Под дипломатическим прикрытием?

— Нет, не в посольстве. Тут, прямо в Бретани, в офисе одной коммерческой фирмы, дочки нашей крупной российской нефтяной компании.

— Круто! Ну и ты сейчас кто по званию? Майор, а может, уже подполковника дали? — Восхищенно и искренне я порадовался за старого институтского друга.

— Ничего крутого в этом нет, Миша. И сейчас ты это очень хорошо поймешь.

Пашка мягко, но поразительно крепко взял меня за локоть и увлек в самый дальний, полутемный угол бара, подальше от барной стойки и любопытных ушей футбольных болельщиков.

— Садись. Пей свое пиво и делай вид, что я просто рассказываю тебе пошлый анекдот. Смейся громче, если надо.

— Паш, ты чего? Со мной-то зачем играть в эти свои шпионские игры? Мне и так достаточно, что по всему Сен-Мало за мной какой-то кент в серой куртке от самого пограничного поста топает. Я недовольно выпалил Пашке и отхлебнул прохладный эль.

Козырев мгновенно помрачнел, его лицо словно окаменело. Он одним мощным глотком осушил свой стакан вискаря и низко подался вперед через липкий стол.

— Кент в куртке, это полная фигня, Миша. Я знаю этого парня. Это обычная наружка из местной криминальной полиции, они сейчас тупо отрабатывают всех неизвестных приезжих. Видимо, он с утра болтался в порту, а через пограничный пункт ты один прошел со странным для них российским паспортом. Уверен, что, отследив, как ты элитное бухло покупал в винном бутике, да теперь вот оттягиваешься пивом в баре, он от тебя быстро отстанет. Да и не специализируются местные провинциальные полицейские на шпионах. Их главный интерес — каналы незаконной миграции из Африки да наркота.

Пашка перешел на едва слышный, свистящий шепот, от которого у меня по спине пробежал легкий холодок:

— А вот у меня, Мишенька, полная Джамахирия творится, если ты хорошо помнишь, о чем я. Наш основной канал связи на острове Джерси накрылся медным тазом. Британская контрразведка МИ-5 и местный региональный отдел МИ-6 укрепили остров так, что мы пискнуть не можем. Все мои кадровые ребята под таким плотным, жестким колпаком, что даже в общественный сортир ходят по предварительному согласованию с Лондоном. Снимают каждый шаг.

— А я тут при чем? — У меня внутри мгновенно зазвонил тревожный колокольчик, оставшийся со времен нашего поспешного побега из Ливии. Я почувствовал, как приятное расслабление от эля вмиг улетучилось.

— Ты что, пытаешься втянуть меня в шпионскую авантюру? Но я ныне мирный московский адвокат. У меня завтра по плану осмотр замка Монт-Оргёй, а вечером буду надираться виски в пабе «Адмирал». Иди ты лесом, Паша, со своими играми.

— Вот именно поэтому ты мне и нужен! — Пашка мертвой хваткой вцепился пальцами в край деревянного стола и подался ко мне так близко, что я почувствовал запах виски.

— Выручай, Мишка! У тебя идеальное, железобетонное алиби. Ты обычный русский турист, болтаешься по острову и между островом и Францией, просто болтаешься ради своего удовольствия. Что за тобой приглядывать контрразведке? Только время зря терять. Бухаешь по пабам, девок разглядываешь. Ну какой ты профи-разведчик? Ни в одной их картотеке тебя нет. Ни в посольстве, ни в коммерческих фирмах ты не числишься, да и из Москвы никогда не отправят обычного туриста, нагрузив его заданием от «конторы». А у нас на острове остался действующий агент, у которого на руках критически важная для Центра информация. Агента вот-вот вычислят и закроют. Связаться с ним мы напрямую не можем, поскольку всех моих людей британская контрразведка знает в лицо, и при любом приезде на остров каждый из них будет сопровождаться очень плотной наружкой.

Я скептически посмотрел на Пашку. Внутри всё протестовало против этого безумия. Ломать свой честно заработанный отпуск из-за «дела чрезвычайной важности» мне совершенно не хотелось. Посольского МИ-5 поймает — так просто выкинет из страны, объявив «персоной нон грата». Кадровые без дипломатического статуса тоже понятно, за что рискуют — служба у них такая, сами выбирали. Но поймают меня, обычного гражданского адвоката, так определят в их сырую английскую камеру на десяток лет, а то и больше, и поминай как звали.

— Пашка, ты с ума сошел? — Шепотом прикрикнул я на него.

— Я двадцать лет назад в Ливии на базе «картер отбора мощности» переводил, а не диверсии устраивал и тайники потрошил! Какая информация? Какой, к черту, агент?

— Информации вагон, Миша! — Пашка заговорил еще тише, почти одними губами. — На кону трехдюймовая дискета, на которой записаны протоколы закрытого, абсолютно секретного совещания руководителей европейских спецслужб. Оно проходило тайно на острове, в Сент-Хелиере, как раз три дня назад, пока ты там беззаботно вискарем надирался. Наш агент получил к ним доступ, но контрразведка уже зафиксировала утечку. Остров сейчас фактически закрыт для посещения всеми нашими, включая сотрудников дипломатических миссий, сотрудников совместных предприятий, участников выставок и научных конференций. А на самом острове начнут шмонать всех, кто хоть как-то имел отношение к саммиту, включая официанток, подававших кока-колу, и уборщиц.

— И как я, по-твоему, должен эту дискету забрать? — Я смерил сокурсника недоверчивым взглядом. — Прийти к твоему секретному агенту и просто сказать: «Привет, я от Паши, дискету гони»?

— Агент сам на тебя выйдет, Миша. Ты же вчера уже катался паромом из Сен-Мало на остров? Так что ты уже на агента выходил, сам того не зная. Еще в прошлом месяце нам удалось передать агенту новые вводные и кодовую фразу-пароль. Так что агент сидит и ждет человека, который назовет эту фразу, изящно вплетенную в разговор о французском кальвадосе.

У меня в голове словно с громким щелчком повернулся тумблер. Тот самый пазл, который никак не складывался вчера в душном коридоре пограничного контроля в порту Сент-Хелиера, наконец-то с грохотом встал на свое место! Вспомнилось всё: как при слове «кальвадос» симпатичная брюнетка едва заметно вздрогнула, как она уставилась на меня диким взглядом, словно ждала продолжения, как на ее лице отразилась буря чувств, от растерянности до дикого облегчения…

— Твою дивизию… — Вырвалось у меня, и я чуть не прикусил язык. — Пашка, твой агент — это Сара из пограничной службы?!

Козырев довольно, во всю ширь своей волейбольной физиономии заулыбался и потер руки:

— О! А я всегда говорил, что выпускники ВКИМО бывшими не бывают! Сходу просчитал. Да, Миша, Сара — наш лучший источник в местном филиале британской контрразведки. Сейчас ее сфера ответственности, как раз порт Сент-Хелиер, а во время закрытого совещания она привлекалась к обеспечению безопасности саммита, там и смогла скопировать секретные документы на дискету. К сожалению, сейчас все причастные к саммиту заблокированы на острове. Если она попытается передать дискету кому-то из наших кадровых, ее арестуют прямо на причале. Но если дискету заберешь ты, обычный русский турист, который просто приударил за симпатичной пограничницей, у вас обоих есть реальный шанс. Ну и, честно говоря, у тебя уже нет шансов для отмаза, Миша. Теперь ты носитель секретной информации, ты знаешь нашего агента в лицо, и в случае отказа я по инструкции обязан тебя ликвидировать прямо здесь, у этого липкого стола.

— Пашка, это чистое безумие, — Я сердито посмотрел на друга, хотя понимал, что его фраза про ликвидацию, это обычная институтская шутка, которой мы пугали друг друга на караулах.

— Меня же посадят в их английскую тюрьму, в Тауэр… или где они там сейчас шпионов держат?

— В Тауэре сейчас только вороны живут, Мишка, и туристы вроде тебя. — Подмигнул Козырев, мгновенно сбросив суровость.

— А тебя не посадят. Ты же отличный юрист и умеешь обходить любые запреты и законы. Моя же фраза о ликвидации, просто шутка, не воспринимай ее как реальную угрозу. Мы же свои.

Пашка замолчал, выдержал гроссмейстерскую паузу, давая мне переварить информацию, и продолжил уже совсем другим, серьезным тоном:

— Вспомни нашу курсантскую клятву помогать друг другу в трудную минуту. Помнишь, как под Триполи мы делили последнюю флягу теплой воды в жуткую песчаную бурю, которая застала нас в пустыне? А Пашка Козырев тебя на себе три километра тащил, когда ты на бетонке ногу подвернул. Спасешь девчонку, Мишка, заодно и Родину выручишь. Ну что, по рукам?

Я смотрел на Пашку, силясь понять, не дурацкий ли это сон после вчерашнего недопитого кальвадоса? Но эль в моем стакане был вполне реальным, и Пашкин умоляющий взгляд тоже. Я попытался включить наивного дурачка в надежде найти хоть какую-то логическую брешь в его доводах:

— Ты мне внятно ответь: ты сам почему не можешь приехать на остров и забрать эту чертову дискету? Зачем огород городить с гражданскими лицами?

— Миша, да я пытался вчера заехать на остров! — Горько вздохнул Пашка.

— Но встретиться с Сарой не получилось. Мой служебный автомобиль плотно напичкан электроникой, и я на причале сразу настроился на полицейскую волну их наружки. И что ты думаешь? Я на авто направо — и из рации тут же: «Он сворачивает направо! Всем направо!». Я поворачиваю налево — и в рации снова: «Объект свернул налево. Всем налево». Меня обложили так плотно, что я оторваться был просто неспособен. Покрутился по городу, понял, что ловить нечего, выпил пинту эля для вида и вернулся обратно во Францию на вечернем пароме.

— Пашка, так бросил бы свой автомобиль у порта да ножками, ножками до девицы дошел бы! — Пошутил я, хотя мне было совсем не до смеха.

— Ну какие ножки, Миша? Не в ножках дело, а в том, что мне просто не дали бы спокойно уйти с острова с этой дискетой. Прошмонали бы всю машину до винтика и всю мою одежду до трусов, но вывезти документы с острова мне кадровому не дадут. Контроль на выезде жесткий.

Я смотрел на Пашку, потом на свой недопитый эль. В кармане моего плаща надежно лежал ключ от уютного, теплого гостиничного номера на Джерси. В пакете на полу покоилась дорогая бутылка кальвадоса и вкуснейшие сардинки. Еще двадцать минут назад я был абсолютно свободным человеком, который мог просто встать, уйти, отплыть на пароме на свой остров и спокойно напиться в номере, ни о чем не думая. А теперь перед глазами стояло лицо Сары — с ее испуганным, растерянным и одновременно полным отчаянной надежды карим взглядом в пустом коридоре пограничного поста. И та едва заметная, теплая улыбка, которой она проводила меня на прощание. Черт бы побрал этих женщин и старую курсантскую дружбу.

— Ладно, шпион чертов, рассказывай свой план. — Вздохнул я, нехотя протягивая Пашке руку через стол. — Но учти: если меня поймают их констебли, я на первом же допросе скажу, что ты заставил меня это сделать под гипнозом и угрозой расстрела.

Пашка крепко, до хруста моих суставов пожал мою руку и удовлетворенно хмыкнул:

— Сегодня при прохождении границы на острове тебя обязательно тормознут. Они в эти дни тормозят вообще всех, у кого российский паспорт, а заодно проверяют, если паспорт любой страны из СНГ. Паспорт от обычного пограничника гарантированно попадет в руки офицера безопасности. А ее, как ты уже знаешь, зовут Сара Керк. На ее официальный вопрос о причине твоих частых поездок — утром в Сен-Мало, а вечером обратно на остров — ты можешь болтать абсолютно всё, что хочешь. Например, говори, что во Францию ездишь исключительно за хорошим кальвадосом, потому что местный джерсийский тебе не по вкусу. Но главное — ты должен четко произнести фразу: *«Знаете, после утомительного путешествия на пароме мне больше всего хочется чашечку кофе и настоящий нормандский кальвадос»*. Запомнил?

— Паша, и этого набора слов действительно достаточно? — Спросил я, мысленно прокручивая фразу в голове.

— Нет, самого по себе недостаточно. Чтобы убедиться, что Сара тебя поняла и готова к контакту, ты должен услышать от нее строго определенную фразу-отзыв: *«Тогда Вам лучше вернуться во Францию. Здесь, на Джерси, мы предпочитаем виски»*. Если она это произнесет — значит, контакт установлен.

— А потом? Что делать дальше, когда пароли совпадут?

— Дальше, Миша, ты не теряясь назначишь ей встречу в кафе на Эспланаде. Ну а там уже слушай саму Сару, ей на месте виднее, как, где и когда она сможет безопасно передать тебе посылку. Как только получишь посылку с дискетой, обратно в Сен-Мало с ней не возвращайся, это глупо. Езжай своим запланированным туристическим маршрутом прямо в Королевство, в Англию. Ты же говорил, что вроде в Борнмуте остановишься?

— Хотел изначально в Борнмуте, там пляж песчаный, — Ответил я, пытаясь выстроить логистику. — Но потом передумал и решил, что в Брайтоне мне будет гораздо удобнее. Всего на пару ночей перед вылетом в Москву. Ну какой сейчас пляж песчаный в такой холод! А от Брайтона до аэропорта Хитроу всего час езды на электричке. Это не от Борнмута в автобусе два с половиной часа трястись. Вот в Брайтоне я и готов буду спокойно отдать вашу посылку нашим посольским ребятам. А они уже дискету смогут отправить в Москву с дипломатической почтой, которую никто не имеет права досматривать. Я верно всё понимаю, Паш?

— Мишка, понимаешь ты всё абсолютно верно. — Хмуро отозвался Пашка, крутя в руках пустой стакан. — Но я совсем не исключаю, что британская контрразведка в связи с этой утечкой плотно обложила наших сотрудников и в самом Королевстве. И если наш посольский попрется к тебе в Брайтон, за ним со стопроцентной вероятностью потянется длинный хвост наружки. Так что, скорее всего, придется тебе эту посылку тащить на себе до самой Москвы, через таможню Хитроу.

Я едва не поперхнулся остатками эля. Моё юридическое эго, привыкшее к четким договорам, оценке рисков и безопасности, взвыло раненым зверем:

— Ты охренел, Паша?! Еще и в Хитроу мне прикажешь проходить предполётный досмотр с вашими секретными архивами НАТО в кармане плаща? Это тебе не Ливия девяностых годов, где можно было от любого голодного пограничника ковром или блоком сигарет откупиться! Нас с этой дискетой на первом же сканере щелкнут, и я вместо своей уютной адвокатской конторы на Новом Арбате дружно поеду осваивать прелести британской пенитенциарной системы лет на двадцать!

— Мишка, не кипятись, — Пашка примирительно поднял ладони вверх. -Я сделаю всё возможное, из штанов выпрыгну, но безопасный канал встречи в Брайтоне организую… Ну, или не организую, если риски будут слишком велики. В общем, если в Брайтоне наши посольские к тебе в отель так и не наведаются, тогда у меня к тебе будет следующая просьба. С утра пораньше садись на местный автобус маршрута 12Х и едешь на нем до конечного места «Севен Систерс». Это за городом, потрясающее туристическое место с семью высокими белыми меловыми клифами. Из автобуса выйдешь и немного пройдешь пешком. Там на равнине стоит что-то вроде постоялого дома — лавка с сувенирами и ресторанчик. Кстати, кухня в том ресторане очень даже неплохая. Зайдешь в эту сувенирную лавку, найдешь хозяина-старика и скажешь ему фразу, что *магнитик с овечкой очень красивый и у тебя точно такой же есть дома в Москве*. Так Центр узнает, что дискета у тебя, ты благополучно вывез ее с острова Джерси и сейчас направляешься в сторону Лондона и Москвы.

Я смотрел на своего старого приятеля и изо всех сил пытался вернуться в реальность. Мне искренне казалось, что я случайно попал в какое-то дешевое шпионское кино, где мне зачем-то выдали роль камикадзе. Я скептически покачал головой.

Друг моментально уловил мои сомнения и заговорил жестким, собранным тоном офицера Службы:

— Но ты же офицер, Миша, а бывших офицеров, как известно, не бывает. Должен сам уметь просчитывать любой форс-мажор на ходу. В общем, действуй строго по обстановке. Время поджимает, твой катамаран Condor скоро начнет посадку пассажиров в порту. Иди. И… удачи тебе, брат. Она тебе понадобится.

Он резко, порывисто встал из-за стола, коротко, сильно по-медвежьи обнял меня за плечи и, больше не оборачиваясь, мгновенно растворился в прокуренной, шумной толпе французских болельщиков, бурно орущих что-то про очередной угловой у ворот команды «Пари Сен-Жермен».

Я остался сидеть в полном одиночестве у липкого деревянного стола в углу бара. Настроение было абсолютно паршивым. Мой идеальный, выверенный до мелочей отпуск на глазах превращался в какой-то безумный шпионский комикс, где мне отводилась роль смертника с бутылкой восемнадцатилетнего французского кальвадоса наперевес.

Допив эль, я подхватил свой фирменный пакет, где сиротливо перекатывались баночки с сардинами, как вчера торчал французский багет и покоилась элитная бутылка за сто восемьдесят евро, и побрел к порту.

Наружка в серой куртке, о которой говорил Пашка, действительно пасла меня до самого терминала. Парень не особо таился, лениво листая что-то в телефоне у газетного киоска. «Ну и хрен с тобой, — подумал я, протягивая паспорт французскому жандарму. — Любуйся на русского дурака, который за два дня скупил весь дорогой алкоголь в Сен-Мало».

Французский пограничник, как и предсказывал Пашка, шутил, улыбался и желал мне не попасть в лапы бога Бахуса. Я вежливо кивал, а в голове набатом стучала одна-единственная фраза на английском. Я зубрил её всю дорогу до парома, точно таким образом, как тридцать с лишним лет назад зубрил в туалете казармы в Военном Краснознаменном Институте английские и арабские слова по запчастям истребителя.

Первые шаги новоиспеченного шпиона

Переход через Ла-Манш на быстроходном «Кондоре» в этот раз показался мне бесконечным. Я не пошел на палубу бороться с ветром. Я сидел в пассажирском салоне, уставившись в одну точку на бордовой обивке кресла впереди. Пассажиры вокруг беззаботно болтали, пили пиво из банок, шуршали пакетами из дьюти-фри. А я чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Юрист со знанием языков, говорите? Успешный адвокат? Ну-ну. Отныне я обычный шпион, причем без дипломатического прикрытия, да и совсем без ничего. Возьмут меня, Родина даже не узнает, а небольшой репортаж по телевизору о шпионской деятельности туриста сочтет провокацией западных спецслужб.

Когда катамаран наконец глухо ткнулся в причал Сент-Хелиера, у меня внутри всё сжалось. Пассажиры потянулись к выходу. Я шёл в середине цепочки, стараясь дышать ровно и держать пакет с кальвадосом так, чтобы он выглядел максимально небрежно.

Зал прилета встретил прохладой и глухим гулом голосов. Будки пограничного контроля. Очередь двигалась медленно, как в кошмарном сне. Я вытянул шею и облегченно, или наоборот, в ужасе выдохнул. За будками, чуть в стороне, скрестив руки на груди, стояла она. Сара. Всё та же строгая форма, которая так удивительно подчеркивала её точеную фигуру, темные волосы, собранные в аккуратный пучок, и этот её взгляд внимательный, сканирующий толпу.

Моя очередь подошла. Я шагнул к стойке, за которой сидел плотный прыщавый англичанин с усталыми глазами. Протянул ему свой багровый российский паспорт. Офицер открыл первую страницу, наткнулся на кириллицу, нахмурился и, как по писаному, тут же поднял руку, призывая старшего смены.

Сара отделилась от стены и подошла к будке плавным, уверенным шагом хищника.

— В чём проблема, офицер? — Спросила она.

— Снова русский, мэм. Второй раз за два дня. Курсирует между островом и Сен-Мало.

Сара взяла мой паспорт. Её пальцы на секунду задержались на обложке, и мне показалось, что они слегка дрожали. Она подняла на меня свои карие глаза. В них не было вчерашней растерянности, в них было холодное, отчаянное ожидание.

— Сэр, пройдемте со мной для уточнения данных. — Ровным тоном произнесла она, разворачиваясь к коридору безопасности.

Я молча последовал за ней. Дверь в боковой коридор закрылась, отсекая гул зала прилета. Мы снова остались вдвоем. Пространство между нами казалось наэлектризованным. Сара повернулась ко мне, держа паспорт на уровне груди.

— Итак, мистер Минаев, какова цель вашего сегодняшнего визита во Францию? Вам не кажется, что для обычного туриста вы слишком часто меняете место отдыха? Контрразведка Королевства очень не любит такие метания. — Её голос звучал строго, но я заметил, как сжались ее челюсти.

Я сглотнул, поправил на носу очки, чтобы выиграть секунду, и постарался придать лицу выражение легкой, слегка вальяжной усталости человека, который тратит кучу денег на свои капризы.

— О, офицер, бросьте, не сидеть же мне на одном месте? Прикажете красоты острова пересматривать по многу раз, когда под боком сама Франция? Всё гораздо прозаичнее. Вчерашний напиток оказался настолько божественным, что я не удержался. Но, знаете… после этого утомительного путешествия на пароме мне больше всего хочется чашечку кофе и настоящий нормандский кальвадос. — Я слегка приподнял пакет с багетом и элитной бутылкой.

Я произнес это. Каждое слово легло точно на свое место, как патроны в обойму.

Сара замерла. На её лице не дрогнул ни один мускул, но я увидел, как расширились её зрачки. Секундная пауза показалась мне вечностью. В тишине коридора было слышно, как гудит вентиляция. Она смотрела на меня, и в её глазах пронеслась целая буря: от дикого, почти детского облегчения до жесткой профессиональной концентрации.

Она сделала полшага вперед, якобы изучая визу в моем паспорте, наклонилась чуть ближе ко мне, и тихим, ровным шепотом, не меняя официального выражения лица, произнесла:

— Тогда Вам лучше вернуться во Францию. Здесь, на Джерси, мы предпочитаем виски.

Пазл сложился! Пароль и отзыв совпали со стопроцентной точностью. Передо мной стоял не просто симпатичный офицер контрразведки, а агент, зажатый в угол, который ждал меня как спасителя.

По инструкции Пашки я должен был назначить ей встречу на Эспланаде, но Сара переиграла всё сама. Ситуация на острове явно ухудшилась за те несколько часов, что я провел во Франции.

Она наклонилась ко мне еще ближе, её дыхание коснулось моего уха, и так же тихо, стремительным шепотом она выдала абсолютно новые вводные:

— Планы изменились. Никаких встреч в городе, за мной плотный хвост МИ-5. Завтра. Полдень. Магазин Jersey Pearl на западном побережье острова. Добирайтесь туда на автобусе номер 22. Будьте там вовремя. Я сброшу груз.

Я не успел даже кивнуть. Сара мгновенно отстранилась, её лицо снова превратилось в непроницаемую маску британского чиновника. Она открыла дверь, ведущую обратно в зал, и громко, отчетливо, так, чтобы слышали её коллеги у стоек, произнесла:

— Всё в порядке, сэр. Ваши документы не вызывают подозрений. Добро пожаловать на Джерси.

Она с силой шлепнула въездной штамп рядом с французским «пароходиком», закрыла паспорт и вернула его мне. В её карих глазах на долю секунды вспыхнул едва заметный, сговорчивый и отчаянный огонек.

— Приятного вечера, мистер Минаев. И аккуратнее с кальвадосом, — добавила она с тонкой, едва уловимой улыбкой, которую не смог бы расшифровать ни один эксперт по профайлингу из МИ-5 и МИ-6.

— Спасибо, офицер. Обязательно воспользуюсь вашим советом, — Ответил я, пряча паспорт в карман плаща.

Я вышел из терминала порта в сырую темноту Сент-Хелиера. Ноги слегка подкашивались, а руки сжимали пакет с бутылкой так, словно в ней была не жидкость из спелых яблок Бретани, а жидкий нитроглицерин. Впереди был вечер в отеле, четверть недопитой вчерашней бутылки и длинная, бессонная ночь юриста, которому завтра предстояло стать настоящим шпионом на автобусном маршруте номер 22.

Жемчужный транзит

Утром я встал, кое-как впихнул в себя отельный завтрак и поторопился на автовокзал, боясь опоздать к назначенному времени. На острове с расписанием шутки плохи — опоздаешь на свой рейс, и следующего шпионского рандеву придется ждать полдня. Короткая поездка на двухэтажном автобусе под номером 22, который мерно катил на самый запад Джерси, и вот меня высадили у «Джерси Перл».

Этот комплекс из ювелирного магазина и ресторанчика одиноко высился среди пустынного и сурового пространства залива Сент-Уэн. С океана тянуло плотным, соленым туманом. Я зашел внутрь и, чтобы набить алиби обывателя, принялся с самым деловым видом бродить по торговым залам, разглядывая местный жемчуг. Какого тут только не было: белый, глубокий черный, жемчужины всех размеров и самых диковинных конфигураций. Жемчуг идеально круглый, жемчуг приплюснутый — так называемый барочный. Ожерелья, массивные браслеты, изящные кольца. На любые запросы, женские капризы и, главное, кошельки. Можно было без проблем купить скромный браслетик за двести фунтов, а можно было оставить в кассе и несколько тысяч.

Побродив для вида по торговым залам и убедившись, что время близится к полудню, я зашел на территорию ресторана и сделал заказ. Выбор мой был традиционным для этих мест — знаменитая джерсийская молодая картошка и кусок хорошего мяса. Я медленно ковырял вилкой картошку, которая оказалась действительно чертовски хороша, но вкуса её почти не чувствовал от нараставшего напряжения. Все мои мысли были заняты другим. Мой взгляд был намертво прикован к большому зеркалу на стене, в котором отлично отражался сидевший у барной стойки «хвост» в синей ветровке. Мужчина профессионально, с глубокой скукой на лице цедил свою чашку чая, но траекторию движения Сары, которая сидела чуть поодаль у окна, держал намертво.

Вдруг Сара изящным, чисто женским движением отодвинула от себя чашку, поднялась со своего места и, прихватив сумочку, не торопясь направилась в глубь зала, где светился указатель к дамской комнате. Агент МИ-5 лишь слегка повернул голову, проводил её ленивым взглядом и снова уставился в свой телефон. Идти за ней туда он, разумеется, не мог, не тот формат слежки, да и объект пока не давал веских поводов для жесткого прессинга.

Прошло минут пять, которые показались мне вечностью. Я отчетливо представлял, как там, за дверью с зеркалами, Сара лихорадочно вырывает листок из блокнота и пишет своим размашистым почерком несколько слов. Ошибиться было нельзя, второй попытки этот маленький остров ей уже не даст.

Наконец она вернулась в зал той же легкой, слегка летящей походкой. Лицо её представляло собой абсолютную маску спокойствия. Она шла по проходу между столиками обратно к своему окну. Мой столик стоял чуть на отшибе, а свой фирменный пакет из дьюти-фри Сен-Мало я предусмотрительно повесил на спинку свободного стула, обращенную прямо к проходу. Пакет слегка оттопыривался, демонстрируя миру свежий французский багет.

Сара проходила мимо. «Синяя ветровка» у бара в этот самый момент на секунду отвлекся на подошедшего официанта, принесшего счет. Буквально на долю секунды Сара едва заметно замедлила свой шаг рядом с моим стулом. Её тонкая рука в бежевом рукаве жакета изящно опустилась вниз. Легкий, почти неслышный шорох бумаги, и маленький, свернутый в несколько раз плотный листок мгновенно исчез в недрах моего пакета, упав прямо между баночками с французскими сардинами. Ни один человек в зале ресторана ничего не заметил. Настоящий высший пилотаж, которому могли бы позавидовать кадровые нелегалы.

Сара спокойно дошла до своего стола, молча бросила на блюдечко несколько фунтов за чай, подхватила свой плащ и направилась к выходу из ресторанчика. Ветровка тут же расплатился и тенью двинулся за ней, сохраняя дистанцию. Больше мы с ней не переглядывались.

Я посидел для приличия еще минут десять, честно доел картошку, расплатился и вышел на улицу. Океанский ветер залива Сент-Уэн тут же бесцеремонно швырнул мне в лицо пригоршню холодных соленых брызг. Настроение было приподнятым, есть контакт. Я повернул налево и пошел бродить по огромному, почти пустынному берегу моря.

Западное побережье Джерси в этой части суровое, дикое и абсолютно пустынное место. На много километров вокруг не было ни души, лишь изредка в сером тумане вдали мелькали смутные силуэты редких местных жителей в непромокаемых куртках, выгуливающих своих собак. Я спустился со стены по бетонной лестнице вниз и пошел бродить по самому дну моря, которое из-за мощного отлива отступило далеко к горизонту. Песок под ногами был мокрым и вязким. Из него то там, то здесь мрачно торчали массивные каменные валуны, густо покрытые зелеными водорослями. Я решил проявить прыть и пройтись прямо по этим валунам, но едва не шлепнулся со всего маху. Валуны были мокрыми, а от водорослей превратились в абсолютно скользкие горки неопределенной конфигурации. Желания упасть, удариться и разбить ноги у меня не было, поэтому я благоразумно отошел обратно на твердый песок.

За этими прогулками я совсем не заметил, как отступившее море вновь начало стремительно наступать, отвоевывая свои позиции. Каменные валуны один за другим пропадали под водой, а холодные волны неумолимо приближались ко мне. Я отступил на десяток метров назад. Не прошло и пяти минут, как море снова подкралось к моим ногам. Я с опозданием понял, что нужно срочно выбираться наверх, но, к своему ужасу, не увидел поблизости той лестницы, по которой спускался. Передо мной высилась сплошная монолитная стена из серого бетона, защищавшая остров, дороги и прибрежные поселки от разрушительного морского прилива. Мне совсем не улыбалась перспектива оказаться запертым морем у этой стены и добираться вплавь в ледяной воде до лестницы, которую еще предстояло отыскать. На мое счастье, метрах в ста впереди я заметил еще одну лестницу, ведущую вверх по стене. Прибавив ходу, я добежал до неё и с большим облегчением поднялся наверх — теперь море меня точно не достанет.

Где-то неподалеку, прямо среди песчаных дюн, мрачной серой глыбой высился Военный музей — старый немецкий бункер Вермахта, оставшийся здесь со времен суровой оккупации Нормандских островов. Тяжелый фортификационный бетон, узкие амбразуры, сурово смотрящие на бушующий океан. От этого места веяло могильным холодом и историей. Очень символичные декорации для советского офицера-юриста, который по старой дружбе вляпался в жесткое противостояние разведок.

Убедившись, что на километры вокруг меня пасут только наглые чайки, я остановился у проржавевшего противотанкового надолба, засунул руку глубоко в пакет и выудил заветную записку Сары. Развернул плотную бумагу. Чернила слегка размазались от сырости, но её размашистый почерк был четким и понятным: *«Завтра. 12:00. Зоопарк Джерси (Парк Даррелла)»*. По всем законам шпионского жанра, которые нам вбивали в голову, я должен был немедленно уничтожить этот носитель. Я достал из кармана зажигалку, поднес огонек к краю и поджег бумажку. Поправил на носу очки и невольно усмехнулся. Парк дикой природы имени Джеральда Даррелла. Место спасения редких видов животных. Что ж, Сара выбрала идеальную локацию: среди вольеров с гориллами, лемурами и экзотическими птицами затеряться гораздо проще, чем среди жемчужных витрин. Да и «редким видом», требующим срочного спасения на этом острове, сейчас были мы оба. Бумажка быстро прогорела, я аккуратно смял пепел в пальцах и отряхнул ладони.

В сам музей-бункер вход был платным. Платить шестнадцать фунтов только за то, чтобы пройтись по паре сырых комнат, где из экспонатов были лишь пара плакатов времен войны

да старый противогаз, мне не хотелось. Поэтому я повернулся спиной к бетону Вермахта и зашагал к автобусной остановке. До завтрашнего полудня мне нужно было стать самым незаметным и законопослушным туристом в мире. Сев в подошедший автобус, я вернулся в город и вышел на конечной, на автовокзале. На остановке осталось ожидать своего транспорта всего несколько человек.

Вернувшись из Сент-Уэна, я решил до самого конца отыграть роль классического праздного «русо-тури́сто». Скрываться и прятаться адвокату Минаеву было совершенно не к лицу, а вот изображать ленивое убивание времени — в самый раз. До самого вечера я абсолютно бесцельно болтался по гранитным улочкам Сент-Хелиера, то заходя в мелкие сувенирные лавки, то подолгу разглядывая витрины закрытых на выходные банков.

Уже в глубоких сумерках, когда город окончательно окутал прохладный приморский воздух, я совершенно случайно набрел на какой-то местный уличный праздник. Англичане — настоящие мастера устраивать шумные ярмарки на ровном месте. Прямо на брусчатке пешеходной зоны были живописно разбросаны прессованные тюки соломы, служившие одновременно и деревенским декором, и импровизированными скамейками для отдыхающих. Вдоль улицы плотным рядом стояли палатки и деревянные ларьки, торгующие умопомрачительно пахнущими сэндвичами с джерсийским свиным окороком, местными сырами и горячим яблочным сидром.

Поперек улицы, намертво перекрывая проход зевакам, была смонтирована небольшая деревянная сцена. На ней под залихватские и бодрые звуки музыки кантри вовсю зажигала молодая девица в короткой джинсовой юбке, кавалерийской клетчатой рубашке, ковбойской шляпе и крутых кожаных сапогах-казаках с потертыми мысами. Она с микрофоном-гарнитурой у рта с задором профессионального аниматора учила собравшуюся толпу танцевать традиционный американский линейный танец

— А теперь все вместе! — Разносился над притихшей улицей её звонкий голос. — Носок, каблук, разворот! Отлично! Носок, каблук другой ногой, разворот!..

Толпа из местных джерсийцев, изрядно подогретая элем и сидром, весело топала в такт, путая ноги и искренне хохоча на всю округу. Я пристроился к этой шеренге зевак и подвыпивших горожан, добросовестно засунул руки глубоко в карманы плаща и начал лениво притоптывать в такт музыке: носок, каблук, поворот… парень на полном отдыхе, какие тут могут быть церемонии?

Я так увлекся этой нелепой пантомимой, что едва не пропустил подозрительное движение справа. Буквально в паре метров от меня, укрывшись в тени вывески закрытой на выходной аптеки, стоял мужчина. На нем была надета точно такая же синяя ветровка, как у того парня, что пас Сару в ресторане «Джерси Перл», и та же неуловимая, жесткая выправка кадрового сотрудника наружки. Он достал телефон, нажал кнопку вызова и, повернувшись к танцующей толпе спиной, заговорил вполголоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.